КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ РЕФОРМЫ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

АВАКЬЯН Сурен Адibeкович, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

E-mail: avakian@law.msu.ru

В статье анализируются объективные и субъективные факторы, влияющие на появление конституций, а также на текущие конституционно-правовые реформы. Автором сделаны выводы о том, что в таких процессах зачастую существенную роль в обеспечении действия конституционных норм играют не только сами предписания конституций, но и процессы их развития в подконституционном регулировании. Ключевыми факторами в появлении новых конституций и в целом конституционно-правовых реформ являются экономические и особенно политические кризисы. Объективные факторы необходимости конституционно-правовых реформ могут полностью зависеть от субъективных обстоятельств. В статье также идет речь о все более набирающей обороты в России идее «живой конституции» и роли Конституционного Суда Российской Федерации в ее обеспечении. Автор завершает статью общим выводом: конституционное реформирование уже не один год находится не во власти объективных подходов, основанных на необходимости совершенствования конституционных основ развития экономики, отношений в обществе и политико-государственной организации страны, а в сильной степени подчинено субъективному нежеланию проводить конституционные реформы.

Ключевые слова: конституция, конституционная реформа, конституционно-правовая реформа, объективные и субъективные факторы, конституционное регулирование.

CONSTITUTIONAL LEGAL REFORMS: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE FACTORS

S. A. AVAKYAN, head of the chair of constitutional and municipal law of law faculty of Lomonosov Moscow State University, doctor of legal sciences, professor, honored scientist of the Russian Federation

1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991

E-mail: avakian@law.msu.ru

This article analyzes objective and subjective factors, which influence on appearance of constitutions and on current constitutional legal reforms. The author makes a conclusion that such development often features a significant role in ensuring action of constitutional norms of processes in sub-constitutional regulation. Key factors in appearance of new constitutions and constitutional reforms overall are economic and especially political crisis. Objective factors of importance of constitutional legal reforms may totally depend on subjective circumstances. The author also discusses the idea of “live constitution”, which becomes more actual in Russian Federation together with the role of Russian Constitutional Court in ensuring this idea. The author makes a general conclusion: constitutional reforms are not being in possession of objective approaches, based on necessary development of constitutional aspects of economy, social relationships and political organization of state, but depend heavily from subjective reluctance to implement constitutional reforms.

Keywords: constitution, constitutional reform, constitutional legal reform, objective and subjective factors, constitutional regulation.

DOI: 10.12737/18201

Принятие конституции государства, ее дальнейшее существование, изменение текста, внесение в него каких-то новелл либо исключение норм из конституции — все это является предметом повышенного внимания общества, политических сил. А уж для конституционалистов это насущный предмет специального рассмотрения, анализа. Разумеется, прежде всего по сути, по причинам, но нередко и по формальным основаниям.

1. Пожалуй, с этого последнего обстоятельства и стоит начать разговор о феномене, именуемом конституционно-правовой реформой. Когда она имеет место — при принятии новой конституции, при вне-

сении изменений и дополнений в действующий основной закон и какого масштаба они должны быть, чтобы это можно было назвать конституционно-правовой реформой?

В принципе для всех очевидно: если разрабатывается и принимается новый основной закон, это, вне сомнения, есть конституционная реформа.

В других случаях этот вопрос сам по себе подлежит обсуждению. И связано это с семантическим значением слова «реформа» — если в конституцию вносятся «косметические» изменения, принципиально не затрагивающие смысла ее положений, это не следует называть реформой; если же изменения затрагивают,

более или менее, конструкцию конституции или даже просто характер отдельных ее положений, тогда уж для слова «реформа» есть основания. Тем не менее сказанное уж очень условно и скорее не проясняет, а запутывает тезис — состоялась или нет конституционно реформа. И связано это может быть как с характером конституционного предписания, так и с порядком внесения изменений в конституцию. Приведем пример: в ст. 5 Конституции РФ при перечислении видов субъектов РФ указана среди других автономная область. Названа в единственном числе, что соответствует реальному наличию в составе России одного субъекта подобного вида. Но представим, что еще какой-то субъект захотел именоваться автономной областью. Тогда их станет как минимум две, и в Конституции РФ надо скорректировать соответствующее положение, изложить его во множественном числе — автономные области. Однако эта «мелочь» при действующем порядке внесения изменений в Основной закон тянет на целую конституционную революцию, поскольку ст. 5 находится в гл. 1 «Основы конституционного строя», а чтобы в ней хоть что-то подкорректировать, надо делать то, что в ст. 134—135 названо «пересмотром Конституции», т. е. принятием новой (!) Конституции.

Впрочем, оснований для использования понятия «конституционная реформа» достаточно и тогда, когда корректируются положения других глав Конституции, требующие не принятия нового текста, а только внесения поправок в Конституцию. Например, когда в 2014 г. название гл. 7 Конституции стало звучать «Судебная власть и прокуратура», т. е. сюда добавили прокуратуру, это тоже была настоящая конституционная реформа, поскольку, по сути, вся конструкция повлияла на ст. 10 Конституции, закрепляющую разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную, так как прокуратура не входит ни в одну из частей этой триады, значит, косвенно она, триада, была разрушена.

В этой ситуации призыв видеть основу конституционных реформ не в «незначительных», а в масштабных изменениях и дополнениях позволяет законодателю заретушировать новеллы под текущее и якобы ничего не меняющее действие, хотя пристальное рассмотрение не оставляет сомнений не только у специалиста — сделан далеко идущий шаг. Для примера: когда из Конституции Республики Беларусь исключили норму о том, что Президент избирается на два срока подряд, оставили правило лишь о том, что он избирается на пятилетний срок, для вдумчивого читателя, в том числе простого гражданина, стала очевидной возможность длительного пребывания на данном посту одного и того же человека, его многократного переизбрания. Отсюда возникло основание для суждений о том, способствует ли Основной закон стагнации власти или не допускает ее. В свою очередь, когда в России в 2008 г. срок полномочий Пре-

зидента РФ конституционной поправкой увеличили с четырех до шести лет, т. е. при возможности двухразового избрания одного и того же человека на пост Президента срок его пребывания в должности составит 12 лет, для многих это также была предпосылка аналогичной стагнации в нашей стране.

Обратим внимание на то, что выше речь шла о «конституционной реформе», т. е. о корректировке текста самой конституции. Но есть все основания говорить и о более широком явлении, которое можно охарактеризовать как «конституционно-правовая реформа». Этим понятием мы расширяем грани реформы, когда фактическое изменение текста конституции происходит без затрагивания ее правил, но с реальным их изменением в подконституционном законодательстве. В таком «конституционном реформировании», в общем-то, нет ничего нового, правящие круги всегда к нему прибегали, не желая трогать текст конституции при наличии одной из следующих причин: сложность процесса внесения поправок в конституцию, отсюда даже элементарное нежелание соответствующих хлопот; попытка объявить демократическое конституционное правило, тем самым создать иллюзию наличия демократического института, но нейтрализовать его в текущем законодательстве (еще Маркс в свое время писал по такому поводу — свобода в общей конституционной фразе и ее уничтожение в оговорке).

Не надо даже далеко искать пример, его дает нормативная практика нашей страны. В части 4 ст. 125 Конституции РФ говорится: «Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом». Как видим, для конституционной жалобы и для запросов судов здесь введено одинаковое основание обращения в Конституционный Суд — «конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле». В таком же виде данное конституционное положение было отражено в п. 3 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Однако изменениями от 3 ноября 2010 г. п. 3 был разделен на два пункта. По новым формулировкам Конституционный Суд: «3) по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного в конкретном деле; 3¹) по запросам судов проверяет конституционность закона, подлежащего применению соответствующим судом в конкретном деле». Не надо даже быть специалистом, чтобы увидеть: при конституционной жалобе субъект должен сначала пройти обычные судебные инстанции и при обращении в Конституционный Суд показать, что он не удовлетворен тем, как оспариваемый закон применялся иными судами (и только ли судами?); при запросе суда моти-

вировка иная — он обращается именно по той причине, что ему, суду, надлежит применить закон при решении конкретного дела.

Налицо изменение конституционной нормы в подконституционном акте. Если считать, что конституционные реформы имеют место лишь при корректировке текста самого Основного закона (мы здесь оставляем в стороне вопрос о том, насколько они значимы и существенны), тогда таким путем можно вольно обращаться с конституционным текстом. Конечно, это крайне нежелательно.

И есть еще один повод говорить не просто о «конституционных реформах», а именно о «конституционно-правовых реформах». Речь идет о все более набирающей обороты в России идее «живой конституции» и роли Конституционного Суда РФ в ее обеспечении. Напомним, что у него есть право толкования Конституции (ч. 5 ст. 125 Конституции РФ). В его трактовке конституционалисты уже давно разошлись во мнениях: одни считают, что в своем толковании Конституционный Суд только разъясняет смысл заложенного в Конституции; другие полагают, что наряду с этим Конституционный Суд излагает такие позиции, которые есть нормативное дополнение конституционного текста — как по сути, так и по форме, поскольку далее эти положения Конституции без толковательного решения Конституционного Суда РФ уже нельзя воспринимать.

Будучи сторонником второго подхода, автор этих строк приводил в своих публикациях примеры, подтверждающие нормативное значение многих решений Конституционного Суда¹. Здесь вспомним об одном, весьма ярком: согласно ст. 136 Конституции РФ поправки к гл. 3—8 Конституции РФ «принимаются в порядке, предусмотренном для принятия федерального конституционного закона». Возникла неясность: должен ли такой акт тоже называться федеральным конституционным законом? Конституционный Суд в своем постановлении определил, что нет, речь идет о самостоятельном виде актов — законе Российской Федерации о поправке к Конституции РФ². Поскольку этот вид актов не был предусмотрен в российском Основном законе, по существу его введение толковательным постановлением Конституционного Суда РФ выглядело как конституционно-правовая реформа. И проведена она была даже без затрагивания текста самой Конституции РФ.

Таким образом, при анализе изменений и дополнений конституции, во всяком случае Конституции РФ, приходится брать во внимание всю совокупность фак-

торов конституционно-правовых реформ, если они отразились на содержании или порядке применения норм Основного закона.

2. Второе обстоятельство, на которое также хотелось бы обратить внимание, это вынесенные в заголовок данного материала слова об *объективных факторах* в конституционно-правовых реформах.

Люди, получавшие юридическое образование в советский период отечественной истории, буквально были «пропитаны» словами Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно же, Ф. Лассалья о классовых причинах появления новых конституций.

Суть их подходов состоит в том, что конституции появлялись как *итоги* классовой борьбы. В этой борьбе какой-либо класс побеждал, он отражал свою полную победу в новой, «своей» конституции. Если победа была неполной, тогда конституция отражала промежуточные итоги классовой борьбы, в этом случае классики говорили о конституции уже как о документе, отражающем соотношение классовых сил. Характерно, что высказывания эти относились к борьбе набиравшего силу класса буржуазии и уступающего ей дворянства. И договаривались они о своем компромиссе (одни еще не совсем уходили, другие пока не полностью победили), чтобы продолжить свое «цепляние» за власть, но при этом отстранить (оттеснить) привлекавшуюся каждым на свою сторону как своего союзника «обессиленную народную массу» (слова классиков) от самой власти.

Что касается социалистического строя в России, здесь уж конституция была полным триумфом победивших сил, которые именовались по-разному: «диктатура пролетариата», «диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства», «власть рабочего класса и (беднейшего) крестьянства». О компромиссе с «помещиками и капиталистами» тут речи не было, они отстранялись от власти, Конституция служила именно «трудовому народу». Конституционно-правовые реформы при этом не исключались, более того, даже предполагались. Широко известны слова В. И. Ленина о первой советской Конституции — Конституции РСФСР 1918 г.: она концентрирует то, что уже дала жизнь, и будет исправляться и дополняться практическим применением ее в жизни.

Такое применение выразилось не только в реализации положений самой Конституции, но и в их дополнении актами органов советской власти, расширяющими национализацию собственности, ограничивающими деятельность и в конечном счете ликвидирующими объединения, враждебно настроенные к новой власти, выдавливающими враждебные и просто нелояльные к этой власти слои из страны посредством эмиграции, а в дальнейшем изолирующими оставшихся в специальных местах проживания или путем физического уничтожения.

Со временем уже не осталось тех, кого можно было назвать эксплуататорскими элементами, соответ-

¹ См., в частности: Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 4.

² См. постановление Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1995 г. № 15-П по делу о толковании ч. 2 ст. 137 Конституции РФ.

ственно, и иной собственности, кроме общенародной (в лице государственной и (или) кооперативно-колхозной). Это вело к консолидации тех, кто оставался в обществе; их различие состояло не в отношении к собственности, а в форме трудовой деятельности — рабочие, крестьяне и интеллигенция выполняли свои функции, как говорится, у станка, плуга, учебной доски или в научной лаборатории. Все работали на благо государства за вознаграждение, позволявшее худо-бедно сводить концы с концами, к тому же многие социальные функции государство взяло на себя. Со временем названные группы стали считать социальной основой государства, что было отражено в Конституции 1977 г. (ст. 19).

Естественно, все это существенно повлияло на трактовку объективных факторов появления новых конституций. Стали достоянием истории классовые причины их появления. Успехами социализма и единением народа объясняли принятие новых конституций, и прежде всего Конституции СССР 1977 г.

А в чем же тогда состоят объективные факторы? И в чем же причины того, что на базе столь удачного Основного закона, каким была Конституция 1977 г., развитие пошло далее «вразнос» и завершилось отрицанием социализма и прежнего уклада экономических и политических отношений?

В поисках ответа на эти вопросы прежде всего следует кое-что уточнить относительно классов и межклассовых отношений. Да, классов как групп, сильно различающихся по отношению к средствам производства, у нас (может быть?) не стало. И прежде всего потому, что сами эти средства производства представлены формально разными по правовым характеристикам видами собственности, но выполняющими одни и те же экономические и социальные задачи — производить товары и услуги, давать работу, собирать налоги. Но давайте откроем глаза и честно скажем: социальные группы все же существуют в нашем обществе. Не занимаясь специально их анализом и классификацией, тем не менее отметим ряд оснований понимания «слоистого» характера нашего общества:

во-первых, люди сильно различаются по видам трудовой деятельности: к прежним, тоже не «идентичным» по занятиям рабочим, крестьянам, учителям и т. п. добавились тысячи банковских служащих, мелких предпринимателей, работники частных медицинских учреждений, гимназий, вузов, сотни тысяч охранников в учреждениях, магазинах и т. д.;

во-вторых, они различаются по организационному отношению к трудовой деятельности: основную массу составляют лица наемного труда, а другую — предприниматели разных мастей;

в-третьих, существенно стала различаться психология работника — одно дело занятость в громадном государственном оборонном концерне, преподавание в государственном вузе, другое — труд пекаря в ма-

ленькой пекарне, преподавателя в частной «шарашке» и т. д.; вроде похожее занятие — «продажа» себя, но неодинаковое социальное сознание (то ли ты занят стабильно, то ли завтра владелец разорится, тебя выставят на улицу);

в-четвертых, люди сильно различаются по уровню обеспеченности, обобщенно они делятся на такие категории, если идти «сверху вниз»: очень богатые; богатые; средние (умеренно обеспеченные); бедные; слишком бедные (неудобно объединять в одну эту группу неполные и влачащие жалкое существование семьи, одиноких пенсионеров с нищенской пенсией и просто «бомжей»), но всех таких людей стало так много, что приходится выделять их в отдельную социальную группу).

Конечно, возникает вопрос: могут ли эти объективные факторы повлиять на принятие новых конституций, в том числе в Российской Федерации? Парадоксально, но мы скажем — нет! Социальное расслоение общества само по себе в наши дни не может привести к конституционной реформе, но для начала может дать толчок политическому ходу (сказал бы сильнее — авантюризму) какой-то политической силы (партии, движению, объединению и т. п.), состоящему в игре на чувствах обездоленных людей.

Что касается реальных объективных факторов, которые могут вызвать конституционные либо конституционно-правовые реформы (разница лишь в том, что в первом случае реформирование осуществляется принятием новой или поправками к действующей конституции, во втором — изменениями ключевых актов, отражающих конституционные принципы), они, по нашему мнению, таковы:

неудовлетворительное развитие экономики, ведущее (приведшее) к острому экономическому кризису в стране;

неудовлетворительное развитие политического режима, вызывающее радикальное недовольство всех.

Первый момент имеет все же относительное значение. Десятки стран обречены на то, чтобы существовать со слабой экономикой. Принимать в этих условиях новую конституцию вряд ли имеет смысл, мало что изменится.

Второе обстоятельство более серьезно. И в истории, и в наши дни можно найти немало примеров того, как именно политические кризисы ведут к конституционно-правовым реформам.

3. И здесь мы переходим, пожалуй, к загадочному моменту в нашем толковании — *субъективно-му фактору*.

По большому счету надо сказать, что любые объективные факторы необходимости конституционных и конституционно-правовых реформ при их реализации превращаются в проявление субъективных факторов. Что это значит? То, что, даже понимая и видя необходимость включения чего-то в конституцион-

ную материю или изъятия из нее каких-то положений, все это можно сделать конструкциями и словами, которые найдут самыми подходящими те, кого принято называть творцами конституции и соответствующей политической практики.

Рискнем вспомнить об одном историческом парадоксе: успехи социализма в период с 1931 по 1940 г. в нашей стране были весьма ощутимы, враждебные слои сошли (были «сведены») с исторической арены, уже и новый Основной закон — Конституцию СССР 1936 г. приняли, но тут «вождь и учитель» И. Сталин вдруг объявляет о том, что по мере развития и укрепления социализма классовая борьба усиливается (обостряется). Причины такого заявления были непонятны в последующие годы и даже десятилетия — как же так, всех врагов уничтожили, новый строй создали, а классовая борьба, оказывается, сохраняется и разгорается? Увы, понимание пришло после 1956 г., когда стали очень много говорить и писать о злоупотреблениях культа личности. Правда, ни тогда, ни позже не сказали о подспудной, но весьма ощутимой причине репрессий — объективным фактором и результатом реформ стал созданный при этом страшный политический режим. И по существу, Сталин как «злой гений», вероятно, почувствовал, что в стране много тех, кому социализм с таким лицом не нужен, поэтому, действуя на опережение, он убирал своих потенциальных будущих противников; карая безвинных, он одновременно запугивал остальных.

С учетом печального прошлого опыта следует прежде всего радоваться тому, что обстановка в стране радикально изменилась, о необходимости изменения политической ситуации, конституционно-правовых реформ можно свободно говорить и писать. Однако все-таки надо иметь в виду: стоящие у власти имеют немало возможностей не только не проводить реформы, но и создать «плохие условия жизни» для тех, кто такие реформы предлагает. Это как раз и есть одно из крайне нежелательных проявлений субъективного фактора как в политической жизни, так и конституционном правотворчестве.

В дополнение к этому есть и другой вариант, он построен на своеобразном сочетании интеллектуального и административного моментов — это «антиреформы» как ответные правотворческие шаги властей. В частности, если сторонники демократических реформ, в том числе конституционно-правовых, хотят выражать свои взгляды путем конституционно провозглашенного права на публичные манифестации, то можно это право ограничить дополнительными включаемыми в текущее законодательство правилами, осложняющими возможности проведения митингов и демонстраций, в том числе и усиливающими ответственность за их несанкционированное проведение и просто за групповое появление в пуб-

личных местах³. Или еще пример «обратной» реформы: в ответ на протесты на сильно завышенную минимальную численность политической партии для ее существования и юридической регистрации законодатель пошел на уменьшение до 500 членов такой численности⁴ и породил тем самым настоящую «девальвацию» политических партий, поскольку около 80 партий никак не нужны России и ее населению.

Итак, основное проявление субъективного фактора в конституционных и конституционно-правовых реформах состоит не столько в новых конституционных условиях, сколько в обновлении путей применения правил, уже имеющих и отраженных в Основном законе.

И это будет скорее не изменение экономических, социальных, политических условий, а развитие путей применения действующих конституционных правил. Так, экономическая реформа может выглядеть как возвращение в государственное ведение многих важных ресурсов, которые были отданы в частную собственность, но это не нарушает ст. 8 и 9 Конституции РФ, согласно которым государственная собственность имеет право на равное существование с иными формами собственности. Однако политический и экономический курс тех, кто правит страной, уже будет скорректирован произведенными поправками, они потребуют и развития в законодательстве. Если завтра законодатель откажется от норм, разрешающих создание политических партий из 500 членов, вновь установив более высокую минимальную численность партий, количество партий сразу же существенно уменьшится, но принцип политического многообразия и плюрализма (ст. 13 Конституции РФ) остается действующим.

Такое проявление субъективного фактора вполне уживается с тем, что принято называть динамическим свойством конституции, в том числе Конституции РФ 1993 г. Гораздо хуже, когда «вкусовые» оценочные, субъективные подходы создателей Конституции не только отразились на ее содержании, но и сдерживают тех, кто в последующие годы находит основания и поводы для конституционного реформирования.

Пожалуй, самый яркий пример в этом плане — конструкция пересмотра Конституции РФ, заложенная ее создателями в ст. 135 Основного закона. Она состоит в том, что если предложения о пересмотре положений гл. 1, 2, 9 Конституции РФ поддержат 3/5 голосов Совета Федерации и Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание, если оно

³ См. Федеральный закон от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”».

⁴ См. Федеральный закон от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О политических партиях”».

поддержит изменения, то разрабатывает проект новой Конституции РФ, который либо принимается им самим, либо выносится на общероссийский референдум.

Субъективизм создателей проявился в принятии этого сложного пути конституционного реформирования, который делает невозможным даже текущие корректировки названных глав, не говоря уж о серьезных изменениях. Так, создатели Конституции наверняка забыли, что частью Конституции являются ее Преамбула, Заключительные и переходные положения, и ничего не сказали о порядке их реформирования. Войдя в Совет Европы и будучи вынужденной действовать по правилам данной организации, Россия стала перед необходимостью что-то делать с ч. 2 ст. 20, говорящей о допустимости смертной казни при исключительных обстоятельствах, в то время как Совет Европы отказался от ее применения; пришлось придумать такой странный путь ее неприменения, как решение Конституционного Суда РФ о моратории на смертную казнь, хотя ясно, что Конституционный Суд не имеет права толковать конституционные нормы с позиций отсрочки их применения.

Конституционное развитие предполагает и такой нюанс реформирования, как воплощение норм Конституции в подконституционном регулировании. И поскольку ст. 135 предусмотрен федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании, его следует принять. Однако находящиеся у власти всячески избегают принятия такого закона, мотив более чем неубедительный: если такой акт будет принят, какие-то силы начнут требовать реформы Конституции. Автору этих строк уже пришлось писать о том, что затягивание принятия данного закона ничего в принципе не меняет: можно разработать проект новой Конституции и собрать более двух миллионов голосов за проведение референдума по его принятию⁵. Не случайно ведь в ст. 3 Конституции РФ референдум назван высшим непосредственным выражением власти народа (ч. 3).

Приходится отметить, что ряд объективных потребностей совершенствования, т. е. реформирования конституционного текста, в нашей стране отклоняется именно субъективными действиями тех, кто находится у власти. В частности, уже не раз предлагалось дополнить Конституцию РФ главой об обществе (о гражданском обществе), отразить в этой главе усиление общественной самоорганизации в России, включая роль общественных объединений, коллективистских начал в делах граждан по месту их жительства и работы, демократических институтов, общественного контроля⁶. Но это не делается.

Субъективное всегда переборет объективное, даже и нужное. Например, не трудно представить, что произойдет, если какой-то субъект РФ захочет преобразоваться в уже упоминавшуюся автономную область — это же потребует принятия новой Конституции РФ, и его, конечно, отговорят от такого шага. И даже если субъект РФ захочет просто из обычной области перейти в ранг края, это же будет означать изменение конституционно-правового статуса субъекта РФ и не локальную, а общероссийскую конституционно-правовую реформу. Ведь для этого, согласно ч. 5 ст. 66 Конституции РФ, потребуются взаимное согласие субъекта РФ и Российской Федерации, а также принятие специального федерального конституционного закона по данному конкретному поводу. Скорее всего, и такая попытка будет «погребена» под соображениями целесообразности.

В то же время проявления субъективистских факторов могут вызвать (и вызывают!) такие конституционно-правовые реформы, которые, мягко говоря, не бесспорны. Таковы упомянутое искусственное увеличение числа политических партий посредством конституционно-правовой реформы в сфере политического плюрализма, стимулирование вместо политической активности граждан процветания политического авантюризма, который обрушивается на все население и превращает его в жертву различных амбиций. Это также резкое изменение предусмотренного Конституцией широкого поля информационного пространства — вместо информационного разнообразия возникли десятки телеканалов, в политической информации действующих по одной указке, а разнообразие проявляющих в обрушивании на граждан России чуждой им западной культуры. Это необъяснимый и неконституционный перевод высших судебных органов в другой город. Это не объясненное обществу и особенно субъектам РФ появление категории представителей Российской Федерации, назначаемых Президентом РФ членами Совета Федерации и, по существу, являющихся его представителями в данной палате. Это регулярно изменяемый порядок избрания депутатов, при этом каждый новый вариант считается воплощением конституционного принципа народного представительства.

Перечень примеров субъективного подхода, особенно к конституционно-правовым реформам, т. е. изменениям текущего законодательства, сильно влияющим на применение либо неприменение конституци-

⁵ См. об этом: *Авакьян С. А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.

⁶ См. об этом: *Кондрашев А. А.* Пробелы в Конституции России: понятие, классификация и отграничение от смежных явлений // Российский юридический журнал. 2014.

№ 2; Конституция России (проект) / под общ. ред. *С. С. Сулакишина*. М., 2013; *Троицкая А. А.* Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 2010. № 1; *Юсубов Э. С.* Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1.

онных норм, может быть более длинным. Но общий вывод очевиден: конституционное реформирование у нас уже не один год не находится во власти объективных подходов, основанных на необходимости совершенствования конституционных основ развития экономики, отношений в обществе и политико-государственной организации страны, а в сильной степени подчинено субъективному нежеланию проводить конституционные реформы, прикрываемому разговорами о «бережном» отношении к Конституции и при этом «спокойной» корректировкой (при наличии «своего» интереса) конституционных положений, именуемой некоторыми авторами «преобразо-

ванием»⁷ Конституции РФ, поправками к ней, изменением законодательства или правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

⁷ См. об этом, в частности: Митюков М. А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов, 2003; Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: монография. Барнаул, 2008; Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авакьян С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.
- Авакьян С. А. Нормативное значение решений конституционных судов // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2004. № 4.
- Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 в.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010.
- Аничкин Е. С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: монография. Барнаул, 2008.
- Кондрашев А. А. Пробелы в Конституции России: понятие, классификация и отграничение от смежных явлений // Российский юридический журнал. 2014. № 2.
- Конституция России (проект) / под общ. ред. С. С. Сулакшина. М., 2013.
- Митюков М. А. О преобразовании Конституции Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов, 2003.
- Троицкая А. А. Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 1.
- Юсубов Э. С. Дискурс о стабильности Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1.